

А.К. Кириллов*

**КВАРТИРНЫЙ НАЛОГ И МАЛООБЕСПЕЧЕННЫЕ
СИБИРСКИЕ ГОРОЖАНИ
В УСЛОВИЯХ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ
(ПО МАТЕРИАЛАМ Г. ТОМСКА)****doi:10.31518/2618-9100-2026-1-19
УДК 94(47).083"1914/19"*Выходные данные для цитирования:**Кириллов А.К. Квартирный налог и малообеспеченные сибирские горожанки в условиях Первой мировой войны (по материалам г. Томска) // Исторический курьер. 2026. № 1 (45). С. 233–241. URL: <http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-1-19.pdf>*

A.K. Kirillov*

**HOUSING TAX AND LOW-INCOME URBAN WOMEN
IN SIBERIA DURING THE FIRST WORLD WAR
(BASED ON MATERIALS FROM THE CITY OF TOMSK)****

doi:10.31518/2618-9100-2026-1-19

*How to cite:**Kirillov A.K. Housing Tax and Low-Income Urban Women in Siberia During the First World War (Based on Materials from the City of Tomsk) // Historical Courier, 2026, No. 1 (45), pp. 233–241. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-1-19.pdf>]*

Abstract. The article combines the study of the continuously evolving tax system of the late imperial Russia with the history of the city dwellers' everyday life, which changed especially rapidly during the years of World War I. Despite the fact that the housing tax would be presented as a tax on the rich, and despite the small amounts of tax bills for the lower categories of taxpayers, the archives contain complaints from taxpayers about overtaxation and requests for tax write-offs. Due to these complaints and their thorough verification by tax offices, not only is it possible to have formal indicators of taxpayers' wealth (such as the price of housing), but to study the living conditions of the least wealthy payers of the apartment tax as well. To accomplish this, four cases of single mothers raising children have been chosen from a 1917 documental collection of the Tomsk Regional Housing Tax Office, stored in the archival fond of the Tomsk Treasury Chamber. Their documents include the tax write-off applications, police reports of their apartment inspections, decisions of the tax office. The families lived in obviously cramped conditions, and had to take in tenants for the sake of even a small income. However, not all of them managed to obtain an exemption from the payment from the regional authorities. The officials deliberately taxed even poor families if they found grounds to believe that they were able to pay the tax. Thus, the housing tax, designed as an easy tax on the rich, began to turn into a heavy burden in the lives of the poorest city dwellers.

Keywords: history of taxes, city taxpayers, income taxation, tax office, tax inspector.

The article has been received by the editor on 09.07.2025. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

* **Алексей Константинович Кириллов**, кандидат исторических наук, Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия, e-mail: alkir.nsk@gmail.com

Alexey Konstantinovich Kirillov, Candidate of Historical Sciences, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia, e-mail: alkir.nsk@gmail.com

** Статья выполнена по теме госзадания «Сибирский социум как фактор территориального роста и единства России (конец XVI – начало XX в.)» (FWZM-2024-0007).

The article was made on the topic of the state assignment “The Siberian Society as a Factor of Russia’s Territorial Growth and Unity (Late 16th – Early 20th Centuries)” (FWZM-2024-0007).

Аннотация. Статья сочетает изучение непрерывно эволюционирующей налоговой системы дореволюционной России с историей повседневности горожан, особенно быстро менявшейся в годы Первой мировой войны. Несмотря на то, что квартирный налог был задуман как налог на богатых, вопреки незначительности окладов нижних разрядов этого налога в архивах сохранились жалобы плательщиков на его непосильность и просьбы о списании. Благодаря этим жалобам и их обстоятельной проверке податными присутствиями мы можем увидеть не только формальные показатели состоятельности (цену жилья), но и условия жизни наименее состоятельных плательщиков квартирного налога. Для анализа использована коллекция Томского губернского присутствия по квартирному налогу за 1917 г., хранящаяся в фонде Томской казенной палаты. Из нее взяты четыре подборки документов по заявлениям матерей-одиночек, на иждивении которых находилось двое или более детей: жалобы плательщиц, полицейские протоколы осмотра квартиры, решения губернского присутствия. Семьи жили в явно стесненных условиях, принимали жильцов на подселение ради даже небольшого дохода. Но не всем из них удалось получить от губернских властей освобождение от платежа. Автор приходит к заключению, что чиновники сознательно облагали налогом даже бедные семьи, если находили основания полагать, что у них есть возможность выплатить налог. Так квартирный налог, задуманный в качестве необременительного налога для богатых, стал превращаться в довольно тягостное явление в жизни беднейших горожан.

Ключевые слова: история налогов, городские налогоплательщики, подоходное налогообложение, податное присутствие, податной инспектор.

Статья поступила в редакцию 09.07.2025 г.

Появление квартирного налога – исключительно важная часть долгой податной реформы второй половины XIX – начала XX в.¹ Вопреки названию, наводящему на мысли об обложении недвижимости, это был личный подоходный налог, нацеленный на зажиточных горожан – самую платежеспособную часть российских граждан². И как таковой он интересен не только для финансовой истории, но и для истории городской повседневности.

С 1894 г. (для сибиряков – с 1901 г.) подача налоговой декларации («заявления») и уплата налога стали неотъемлемой частью жизни российских горожан и одновременно способом подготовки российских граждан к введению полноценного подоходного налога³. На смену обложению податных сословий шло обложение богатых. В общем виде этот замысел хорошо известен⁴, но его действительное воплощение не изучено.

Действительно ли этот налог затрагивал только зажиточных горожан; где нижняя граница тех, на кого он ложился? Кажется, что на этот вопрос легко ответить цифрами: закон устанавливал минимальную цену жилья, облагаемого налогом. Более того, «заявления» плательщиков позволяют соотнести цифры по обе стороны этой планки с определенными должностями и общественным положением. Известно, например, что в Барнауле незадолго до Первой мировой войны извозчик и вдова топографа остались ниже минимальной планки обложения, а парикмахер и акушерка хотя и с минимальным окладом налога, под обложение

¹ Захаров В.Н., Петров Ю.А., Шацлло М.К. История налогов в России. IX – начало XX в. М., 2006.

² Кравцова Е.С. История сбора налогов в российской провинции на рубеже XIX–XX столетий. Курск, 2007; Кравцова Е.С. Попытки изменения налогообложения в России под влиянием голода 1891–1892 гг. // Экономическая история. 2016. № 4 (35). С. 41–46.

³ Витте С.Ю. Собрание сочинений и документальных материалов. М., 2003. Т. 2: Налоги, бюджет и государственный долг России. Кн. 1. С. 182.

⁴ Kotsonis Y. States of obligation. Taxes and citizenship in the Russian Empire and early Soviet Republic. Toronto; Buffalo; London, 2014.

попали⁵. Но как жили обладатели этих должностей и статусов – вот чего мы не можем узнать даже из массовых источников, уже введенных в научный оборот. И только материалы рассмотрения «возражений» плательщиков позволяют получить картину того, как жили люди, близко подошедшие к водоразделу. Материалы эти до сих пор ни разу не использовались историками.

Каждый год в каждом из полутысячи городов, внесенных в реестр Департамента окладных сборов, плательщики подавали десятки, а то и сотни возражений, каждое из которых подлежало сначала рассмотрению участковым присутствием. В последнюю предвоенную весну в Томске было подано более полутора сотен возражений⁶. Половина из них была отклонена, другие удовлетворены. Каждый такой эпизод – это кипение страстей, от которых остались лишь тусклые отзвуки: по всем этим возражениям мы имеем лишь краткие записи в объяснение принятого решения. Иначе обстоит дело с теми плательщиками, кто обжаловал отказ участкового присутствия в присутствие губернское. По таким обращениям запрашивалось мнение полиции, за счет чего у нас сохранились хотя бы краткие описания житейских условий жалобщиков.

Подавляющее большинство таких документов погибло, но в нашем распоряжении есть подборка решений Томского губернского присутствия по возражениям, поданным весной 1917 г. против окладов налога за 1916 г.⁷ «Великая бескровная революция», как чаялось современникам, уже произошла, царских орлов с вывесок снимали, полицейские приставы сменились комиссарами, но податная рутина, запущенная при старом режиме, продолжала не спеша разворачиваться по расписанию, рассчитанному до конца года (и в некоторых делах последняя точка была поставлена уже при власти большевиков).

Причины, побуждающие плательщиков жаловаться, весьма различны: у кого-то служебное помещение засчитали в качестве жилья, кто-то был недоволен повышением налога против предыдущего года, кому-то квартирный владелец в декларации завысил цену. Нас из всего этого разнообразия будут интересовать лишь возражения, в которых основанием просьбы о снисхождении выступает материальная несостоятельность. Их податели считали себя бедными, а чиновники предложили им платить налог для богатых. Обсуждение этих возражений завершается по-разному: то удовлетворением, а то отказом, значит именно здесь надо искать нижнюю границу состоятельности плательщиков налога, стык двух групп – тех, кто платит и кто не платит.

Разберем четыре таких решения, из которых два получили поддержку губернского присутствия, а два были отклонены. Все четыре случая касаются одиноких женщин с детьми. Взаимосвязь между женским вопросом и проблемой городской бедноты в XIX в. не является российской особенностью и обстоятельно проиллюстрирована на общеевропейском материале⁸. Положение женщин, в частности во время Первой мировой войны, также пользуется в последние десятилетия непреходящим интересом западных авторов. Важнейшие публикации на эту тему перечислены в одной из недавних статей в специализированном журнале⁹. Есть и свежие российские публикации в этом русле¹⁰.

«По несостоятельности» просила сложить с нее 13,5 руб. квартирного налога «вдова протодиакона» Любовь Васильевна Рукавишникова. Сумма налога, гораздо более высокая,

⁵ Кириллов А.К., Сорокин М.Д. Неравенство в сибирском городе начала XX в. по данным учета населения в целях обложения квартирным налогом (Барнаул, 1910 г.) // Уральский исторический вестник. 2022. № 1 (74). С. 16–26.

⁶ Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. Ф-199. Оп. 1. Д. 54.

⁷ ГАТО. Ф. Ф-196. Оп. 4. Д. 365.

⁸ Fuchs R. Gender and Poverty in Nineteenth-Century Europe. Cambridge, 2005.

⁹ Gregory P.A. Visual history of First World War women and humour identified in contemporary cartoons // First World War Studies. 2022. Vol. 13, Iss. 2–3. P. 103–123.

¹⁰ Сердюк В.А. «Прием на службу женщин допущен... вне всякой процентной нормы». Труд женщин на фронтовых железных дорогах Российской империи в годы Первой мировой войны // Военно-исторический журнал. 2023. № 3. С. 86–94; Ясудис А.В. Репрезентации Первой мировой войны в женских иллюстрированных журналах Российской империи // [Электронный ресурс] Исторический курьер. 2023. № 2 (28). С. 224–234. URL: <http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-2-18.pdf> (дата обращения: 08.07.2025).

чем минимальный оклад (2,5 руб.), указывает на то, что занимаемая Рукавишниковой квартира относилась к пятому разряду. Хотя дьякон – должность более низкая, чем священник, семья его жила в квартире не из дешевых: вероятно, по инерции с тех пор, когда кормилец семьи был еще жив.

Казенная палата, как обычно в таких случаях, попросила полицейские власти (комиссара 5-го участка Томска) проверить положение дел у Рукавишниковой и высказать свое мнение. Через полторы недели после подачи заявления, 4 мая 1917 г., помощник комиссара Пушкарев пришел по указанному ему адресу. Его рукописный протокол, скрепленный подписями двух понятых (в том числе домовладельца), сообщает читателю, что «Рукавишников, вдова, имеет 4 детей, из коих старшему 15 лет, второму 13 л., третьему 10 лет, и четвертой девочке 7 лет[,] ближайшим родственником имеет родного брата, служившего у Родикова доверенным, от которого и имеет поддержку к существованию. Имущества[,] на которое могло бы быть обращено взыскание[,] не имеет, содержит квартиру в 35 руб., в 3 комнаты, из коих сдает две комнаты по 10 рублей»¹¹. Самое яркое свидетельство незавидного материального положения вдовы церковнослужителя – то, что она с четырьмя детьми ютилась в одной комнате, сдавая две другие в субаренду. Сдавая 2/3 своих комнат посторонним, она выручала лишь немногим более половины той суммы, которую сама платила домовладельцу. Раз ей приходилось идти на такие меры, значит смерть мужа действительно резко ухудшила ее материальное положение. Из небогатой, но вполне зажиточной семья протодьякона разом превратилась в едва сводящую концы с концами, да и то за счет посторонней помощи.

С точки зрения самого устройства квартирного налога и случай Рукавишниковой, и все другие случаи, разбираемые ниже, представляют довольно странный парадокс. Как неустанно разъяснял Департамент окладных сборов, налог взимался не в связи с обладанием жильем, а именно в связи с проживанием в нем (поскольку это было признаком определенного дохода). Владелец дома, не заявивший о жильцах, должен был платить налог исходя из полной цены дома. Он же, после подачи заявления с перечнем своих жильцов (и их арендных цен), мог быть вообще освобожден от налога, если сам не жил в этом доме. По этой логике и арендатор трех комнат, живущий в одной, должен был бы платить за одну: тогда с Рукавишниковой пришлось бы всего лишь 2,5 руб.! Но как ни странно, правило передачи платежа жильцу не распространялось на субаренду.

Объективные данные, записанные в протокол помощником, комиссар дополнил собственным заключением о том, что Рукавишникова действительно несостоятельна и нуждается в льготе, и губернское присутствие по квартирному налогу в заседании 16 сентября 1917 г. поддержало ее ходатайство¹². Все 16 решений губернского присутствия, оформленные протоколами на отдельных листах, выглядят одинаково: это машинописный текст, в котором между заглавием и собственно текстом решения после машинописного же слова «Присутствовали» оставлено место, а фамилии присутствовавших (которые расписались в конце документа) либо вообще не указаны (в решениях от 31 января), либо записаны от руки (в решениях 16 сентября). Как это обычно бывает в такого рода делах, решение подготавливалось заранее никому неизвестными исполнителями и в ходе заседания просто одобрялось высокими членами присутствия, точный состав которых был заранее неизвестен.

В тот же день, 16 сентября 1917 г., губернское присутствие приняло решение и по прошению Марии Спиридоновны Зиминой. Ее оклад налога составлял 8,25 руб. – квартира, значит, была победнее предыдущей (3-й разряд). Детей у нее было, по-видимому, лишь двое («семья состоит из 3-х человек»), но зато с источниками денег оказалось совсем плохо. Никаких доходов помощник комиссара 1-го участка Бередиченко, составлявший протокол 27 июня 1917 г., у нее не обнаружил, и губернское присутствие списало с Зиминой налог «принимая во внимание затруднительное материальное положение просительницы»¹³.

¹¹ ГАТО. Ф. Ф-196. Оп. 4. Д. 365. Л. 113–113 об.

¹² Там же. Л. 108.

¹³ Там же. Л. 71.

Самое интересное в протоколе по делу Зиминной – это типографский бланк, на котором он выполнен¹⁴. В типографском клише твердо прописано: плательщик заявил, что «означенной суммы уплатить не в состоянии, средств никаких не имеет, пенсии или пособия не получает» и «имущества, на которое можно было бы обратить взыскание, – нет никакого». А вот про службу дана открытая формулировка: «служит за ... р. ... к. в месяц» (в случае Зиминной подставлены «не» и прочерки). Из наличия этого клише следует два вывода. Более узкий: люди, имеющие заработок, рассматривались как более вероятные претенденты на снисходительность, чем обладатели пенсий и пособий. И более важный: положение Зиминной было отнюдь не исключительным. Количество недоимщиков казны, не имеющих ни пенсий, ни пособий, ни имущества для продажи, было таким, что для их освидетельствования пришлось печатать типографские бланки.

Правда, это был не специальный бланк для плательщиков квартирного налога, а универсальный бланк для неплательщиков – «недоимщиков», как это сказано в самом документе. Но там, где предусмотрено место для подписи, указана должность не помощника комиссара, а помощника пристава (исправлено от руки): бланк значит старый, дореволюционный. А ведь до революции, помимо квартирного налога, казна взимала с горожан только один налог – государственный с городской недвижимости (промышленный налог с торговцев не в счет, уж у тех-то нашлось бы что продать, да и работа по найму и получение пособий к ним не подходят). Похоже, что эти бланки делались почти специально для плательщиков квартирного налога.

Показательно, что в конце бланка, где отведено место для подписи недоимщиком, это слово напечатано без окончания: «недоимщи» – для подстановки окончания в мужском или женском роде. Но в основном тексте сказано в мужском роде – «предъявил к нему» (к недоимщику). Автор бланка, таким образом, подумал о том, что неплательщики могут оказаться и женщинами, но подсознательно все-таки воспринимал их как мужчин. Первая мировая война вынудила женщин гораздо чаще брать на себя всю полноту материальной ответственности за семью, чем это было привычно в довоенной России¹⁵.

Первые два рассмотренных нами возражения объединяет их успешность (налог с плательщиц списали). Еще важнее для нас истории неуспеха: как жили те, кого чиновники сочли достаточно состоятельными для взимания налога.

Анна Игнатьевна Измайлова свое ходатайство о сложении налога в 8,25 руб. обосновала кратко: «...имея четверых детей и живя только на солдатский паек, я не могу его внести по несостоятельности»¹⁶. Солдатский паек – это выплата тем женам, чьи мужья были мобилизованы на войну простыми солдатами¹⁷. Впрочем, заявление написано разборчивым беглым почерком, подписано собственноручно. Навыки письма Анны Измайловой очевидно выходят за рамки начальной школы. Похоже, что до войны ее семья не принадлежала к низам городского общества.

Наличие в адресе просительницы слова «квартира» («ул. Солдатская, 43, кв. 1») наводит на мысль о том, что подательница прошения проживала в одном из тех небольших, но специально спланированных многоквартирных домов, которые в начале XX в. именовались доходными домами и были признаком относительной зажиточности¹⁸. Действительно, этот двухэтажный дом известен томским краоведам: здание (Красноармейская, 43) просуществовало до середины 2010-х гг.¹⁹ Помощник комиссара 1-го участка Фаддеев, у которого

¹⁴ ГАТО. Ф. Ф-196. Оп. 4. Д. 365. Л. 77–77 об.

¹⁵ Шиловский М.В. Первая мировая война 1914–1918 годов и Сибирь. Новосибирск, 2015.

¹⁶ ГАТО. Ф. Ф-196. Оп. 4. Д. 365. Л. 10.

¹⁷ Щербинин П.П. Как жилось российской солдатке в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.) // Женщина в российском обществе. 2004. № 1–2. С. 57–71; Павлова И.П. Социальное попечение в России в годы Первой мировой войны. Красноярск, 2003.

¹⁸ Юхнева Е.Д. Петербургские доходные дома. Очерки из истории быта. М., 2012; Демидович Д.М. Доходные дома Петербурга: организация, взаимодействие с государственными и коммерческими структурами, повседневность (1870-е гг. – начало XX века). М., 2023.

¹⁹ Каталог портала «Деревянное кружево России. Энциклопедия деревянного зодчества» [Электронный ресурс]. URL: <http://woodenrussia.ru/tomsk-krasnoarmejskaya-ch6/> (дата обращения: 08.07.2025).

10 августа наконец дошли руки выполнить трехмесячной давности поручение казенной палаты обследовать «семейное и имущественное положение» просительницы, сообщил, что Измайлова занимает пять комнат, из которых две сдает квартирантам за 22 руб.²⁰ (конечно, это ежемесячная плата). На первый взгляд, положение Измайловой кажется не таким бедственным, как у Рукавишниковой. Ведь она при том же доходе от сдачи двух комнат (по 10–11 рублей в месяц за каждую) позволяет себе жить, тоже с четырьмя детьми, не в одной, а в трех комнатах. С другой стороны, все пять ее комнат были оценены дешевле (3-й разряд), чем три комнаты Любови Рукавишниковой. По внешнему виду дом, где жила Рукавишникова (Уржатский пер., 7, ныне пер. Кононова, 7)²¹ похож на дом Измайловой, но учитывая разнообразие внутренней планировки томских доходных домов²², это не дает оснований судить, объясняется ли разница в цене площадью комнат или близостью к центру города. При любом ответе на этот вопрос можно думать, что у вдовы дьякона была возможность переехать в более дешевое жилье такой же площади, но она ею не воспользовалась.

Возвращаясь к положению Анны Измайловой, обратим внимание на солдатское пособие, наличие которого отличает ее от предыдущих просительниц. То, что в описанном выше бланке осмотра недоимщиков обязательно было указано отсутствие пенсий и пособий, заставляет думать, что это рассматривалось как существенный фактор для оценки состоятельности. Но не солдатское пособие послужило причиной отклонения просьбы Измайловой.

Губернское присутствие не стало вдаваться в подробности и кратко сообщило просительнице, что заявление ее о несостоятельности «не подтвердилось произведенным дознанием»²³. Почему – легко понять, дочитав до конца протокол помощника комиссара: «муж ее Андрей Иванович Измайлов занимается портняжным ремеслом[,] имеет две ножных машины и всю домашнюю обстановку[;] по наружному виду обстановки [в] квартире Измайлова платить означенные в переписке деньги вполне в состоянии»²⁴.

Очевидно противоречие между словами про жизнь «только на солдатский паек» и мужем, зарабатывающим деньги. Ясно, что муж Измайловой, пока ее прошение ждало рассмотрения, успел вернуться из армии. Правда, и после этого благосостояние семьи было, очевидно, довольно скромным, иначе они не согласились бы делить квартиру с двумя жильцами. Тем не менее объективная основа для восстановления материального благополучия была создана.

Единственное, что может быть странно в этом решении – то, что присутствие вынесло его не в заседании 16 сентября, хотя к этому дню ответ комиссара был уже получен, а лишь в январе 1918 г. Дань ли это особым политическим обстоятельствам напряженной осени 1917 г., решило ли присутствие из уважения к семье недавнего фронтовика подождать, пока старые деньги обесценятся побольше – неизвестно, но только решение об отказе состоялось уже в январе 1918 г. Несмотря на отказ, история военных мытарств Измайловой завершилась благополучно. Успев убедиться в невозможности прожить с четырьмя детьми «на солдатский паек», она дождалась спасительного возвращения мужа.

История Анны Измайловой полезна, чтобы увидеть разброс возможных траекторий жизни женщин в похожих условиях (в сравнении с Любовью Рукавишниковой). Но она все-таки не дает возможности познакомиться с уровнем обеспеченности тех женщин-одинок, кого податной надзор считал платежеспособными налогоплательщиками независимо от их мужей. Как раз такую возможность дает история Евдокии Яковлевны Симакиной.

Ее квартира относилась к тому же 5-му участку Томска, что и у Рукавишниковой, однако проверкой ее условий жизни занимался другой помощник комиссара – Самеров. Он не стал откладывать поручение казенной палаты в долгий ящик и выполнил его через

²⁰ ГАТО. Ф. Ф-196. Оп. 4. Д. 365. Л. 11 об.

²¹ Каталог портала «Град над Томью» [Электронный ресурс]. URL: <https://tomsk1604.ru/catalog/konon-7/> (дата обращения: 08.07.2025).

²² Куликова И.В. Типы деревянных доходных домов в Томске (вторая половина XIX – начало XX в.) // Вестник Томского Государственного архитектурно-строительного университета. 2007. № 2. С. 118–126.

²³ ГАТО. Ф. Ф-196. Оп. 4. Д. 365. Л. 10 об.

²⁴ Там же. Л. 11.

пять дней после получения – 29 апреля 1917 г.²⁵ Симакину помощник комиссара настойчиво именует Самкиной, но благодаря тому, что протокол свой он экономно составил на обороте отношения казенной палаты, мы не можем сомневаться в том, что речь идет об одном и том же человеке.

Жилищные условия, описанные в этом протоколе, нельзя назвать благоприятными: «содержит от себя квартиру в две комнаты и за это платит в месяц 25 р.[:] одну из комнат сдает г. Стелушкину с полным пансионом за 60 р.; имеет дочь Марию 14 л. учится, сына реалиста Владимира 18 л. учится в VI классе» (шестой класс был в реальных училищах выпускным). Мы видим, что мать теснилась в одной комнате с двумя практически взрослыми детьми разного пола. Причем дети получали среднее образование, и это, как правило, было недешевым удовольствием (исключения для малообеспеченных семей иногда делались, но нет уверенности, что к Симакиным это относилось). Помимо двух детей, живущих совместно, были и еще двое старших: «Василий – прапорщик и Сергей – рядовой». То, что взрослые дети не могли зарабатывать из-за службы в армии, конечно, осложняло положение вдовы.

Полицейский чиновник не упустил опросить квартиранта: «Спрошенный г. Стелушкин пояснил: что при современной дороговизне 4[-]р[ублевый] платеж для г. Самкиной [т.е. Симакиной] обременителен. Средств она не имеет – вдова. Сын прапорщик изредка помогает». Регулярные переводы части офицерского жалованья могли бы увеличить доходы вдовы раза в два. Но квартирант, как видим, поддержал свою квартирную хозяйку и дал скромную оценку этому источнику денег. И объективные условия для вынесения положительного решения по просьбе Симакиной были, как будто, созданы.

Тем не менее свой недлинный протокол помощник комиссара завершил таким личным мнением: «Из общего впечатления – условия жизни Самкиной [т.е. Симакиной] дают основание полагать, что последняя вполне может уплатить требуемые 4 рубля». И 16 сентября 1917 г., опираясь на этот протокол, губернское присутствие, руководимое председателем казенной палаты И.Б. Маршангом, постановило: «...принимая во внимание, что сложение квартирного налога допускается по ходатайству плательщика, обремененного большим семейством или находящегося в затруднительном положении вследствие тяжелой болезни[,] потери имущества и т.п., каковых обстоятельств обследованием не обнаружено...» – оставить просьбу Симакиной без удовлетворения²⁶.

Личное впечатление помощника комиссара было в подобных случаях существенным обстоятельством: в документах нашего архивного дела просьба сообщать «и непосредственное заключение о ее платежеспособности» каждый раз дописывалась чиновниками казенной палаты от руки к типографскому бланку, в котором говорилось лишь о доставлении сведений «о семейном и имущественном положении» просителя.

Однако есть основания думать, что в данном случае сыграло роль не только субъективное мнение, но и сведения, сообщенные в основной части протокола. Симакина явно отличается от предыдущих наших плательщиц наличием дохода, превосходящего документированные расходы. Деньги, получаемые ею от единственного квартиранта, существенно превосходили ее собственный квартирный платеж.

Годовая плата квартиранта позволяла вдове не только покрывать арендную плату домовладельца, но еще и иметь 420 руб. сверху. В качестве годового дохода эта сумма уже накануне войны была незавидна даже для сельской учительницы. Это не был доход праздного рантье, но трудовой заработок: за эту сумму Евдокии Симакиной приходилось своего постояльца кормить и обстирывать. Это не была чистая прибыль, но валовый доход, включающий в себя цену закупаемых продуктов. Однако ни эти оговорки, ни «законная» причина отсутствия мужа, ни двое учащихся подростков – ничто не смягчило податное присутствие. Правда, назначенная ей сумма налога была столь низкой, что ей позавидовали бы даже

²⁵ ГАТО. Ф. Ф-196. Оп. 4. Д. 365. Л. 90–90 об.

²⁶ Там же. Л. 84.

многие крестьяне, непричастные к большим городским деньгам. Но важно, что податное присутствие, вообще-то готовое проявить великодушие, на сей раз проявило твердость.

Изложенные в статье материалы показывают, что к концу существования дореволюционной системы квартирный налог, придуманный как налог для богатых, взимался даже с таких людей, которые не могли считаться не только богатыми, но и просто зажиточными. Даже живущие без мужа горожанки с детьми – самая уязвимая часть самодеятельного населения – стали рассматриваться как часть общества, привлечение которой к платежу современных подоходных налогов справедливо, а освобождение от налога может происходить лишь в виде исключения.

Литература

Витте С.Ю. Собрание сочинений и документальных материалов. Т. 2: Налоги, бюджет и государственный долг России. Кн. 1. М.: Наука, 2003. 655 с.

Демидович Д.М. Доходные дома Петербурга: организация, взаимодействие с государственными и коммерческими структурами, повседневность (1870-е гг. – начало XX века). М.: У Никитских ворот, 2023. 256 с.

Захаров В.Н., Петров Ю.А., Шацлло М.К. История налогов в России. IX – начало XX в. М.: РОССПЭН, 2006. 296 с.

Кириллов А.К., Сорокин М.Д. Неравенство в сибирском городе начала XX в. по данным учета населения в целях обложения квартирным налогом (Барнаул, 1910 г.) // Уральский исторический вестник. 2022. № 1 (74). С. 16–26. DOI: 10.30759/1728-9718-2022-1(74)-16-26.

Кравцова Е.С. История сбора налогов в российской провинции на рубеже XIX–XX столетий. Курск: Курский гос. мед. ун-т, 2007. 164 с.

Кравцова Е.С. Попытки изменения налогообложения в России под влиянием голода 1891–1892 гг. // Экономическая история. 2016. № 4 (35). С. 41–46.

Куликова И.В. Типы деревянных доходных домов в Томске (вторая половина XIX – начало XX в.) // Вестник Томского Государственного архитектурно-строительного университета. 2007. № 2. С. 118–126.

Павлова И.П. Социальное попечение в России в годы Первой мировой войны. Красноярск: Краснояр. гос. аграр. ун-т, 2003. 152 с.

Сердюк В.А. «Прием на службу женщин допущен... вне всякой процентной нормы». Труд женщин на фронтовых железных дорогах Российской империи в годы Первой мировой войны // Военно-исторический журнал. 2023. № 3. С. 86–94.

Шиловский М.В. Первая мировая война 1914–1918 годов и Сибирь. Новосибирск: Автограф, 2015. 330 с.

Щербинин П.П. Как жилось российской солдатке в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.) // Женщина в российском обществе. 2004. № 1–2. С. 57–71.

Юхнева Е.Д. Петербургские доходные дома. Очерки из истории быта. М.: Центр-полиграф, 2012. 383 с.

Ясудис А.В. Репрезентации Первой мировой войны в женских иллюстрированных журналах Российской империи [Электронный ресурс] // Исторический курьер. 2023. № 2 (28). С. 224–234. URL: <http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-2-18.pdf> (дата обращения: 08.07.2025).

Fuchs R. Gender and Poverty in Nineteenth-Century Europe. Cambridge: Cambridge university press, 2005. 267 p.

Gregory P. A Visual History of First World War Women and Humour Identified in Contemporary Cartoons // First World War Studies. 2022. Vol. 13, Iss. 2–3. P. 103–123. DOI: 10.1080/19475020.2023.2179519.

Kotsonis Y. States of Obligation. Taxes and Citizenship in the Russian Empire and Early Soviet Republic. Toronto; Buffalo; London: University of Toronto Press, 2014. 483 p.

References

- Demidovich, D.M. (2023). *Dokhodnye doma Peterburga: organizatsiya, vzaimodeystvie s gosudarstvennymi i kommercheskimi strukturami, povsednevnost' (1870-e gg. – nachalo XX veka)* [Tenement Houses of St. Petersburg: Organization, Interaction with Government and Commercial Structures, Everyday Life (1870s – Early 20th Century)]. Moscow, U Nikitskikh vorot. 256 p.
- Fuchs, R. (2005). *Gender and Poverty in Nineteenth-Century Europe*. Cambridge, Cambridge University Press. 267 p.
- Gregory, P. (2022). A Visual History of First World War Women and Humour Identified in Contemporary Cartoons. In *First World War Studies*. Vol. 13, Iss. 2–3, pp. 103–123.
- Kirillov, A.K., Sorokin, M.D. (2022). Neravenstvo v sibirskom gorode nachala XX v. po dannym ucheta naseleniya v tselyakh oblozheniya kvartirnym nalogom (Barnaul, 1910 g.). [Inequality in a Siberian City at the Beginning of the 20th Century According to the Population Census Data for the Purposes of Assessing the Apartment Tax (Barnaul, 1910)]. In *Ural'skiy istoricheskiy vestnik*. No. 1 (74), pp. 16–26.
- Kotsonis, Y. (2014). *States of Obligation. Taxes and Citizenship in the Russian Empire and Early Soviet Republic*. Toronto, Buffalo, London, University of Toronto Press. 483 p.
- Kravtsova, E.S. (2007). *Istoriya sbora nalogov v rossiyskoy provintsii na rubezhe XIX–XX stoletiy* [History of Tax Collection in the Russian Provinces at the Turn of the 19th and 20th Centuries]. Kursk, Kurskiy gosudarstvennyy meditsinskiy universitet. 164 p.
- Kravtsova, E.S. (2016). Popytki izmeneniya nalogooblozheniya v Rossii pod vliyaniem goloda 1891–1892 gg. [Attempts to Change Taxation in Russia Under the Influence of the Famine of 1891–1892]. In *Ekonomicheskaya istoriya*. No. 4 (35), pp. 41–46.
- Kulikova, I.V. (2007). Tipy derevyannykh dokhodnykh domov v Tomske (vtoraya polovina XIX – nachalo XX veka) [Types of Wooden Tenement Houses in Tomsk (Second Half of the 19th – Early 20th Centuries)]. In *Vestnik TGASU*. No. 2, pp. 118–126.
- Pavlova, I.P. (2003). *Sotsial'noe popechenie v Rossii v gody Pervoy mirovoy voyny* [Social Care in Russia During the First World War]. Krasnoyarsk, Krasnoyarskiy gosudarstvennyy agrarnyy universitet. 152 p.
- Serdyuk, V.A. (2023). “Priem na sluzhbu zhenshchin dopushchen... vne vsyakoy protsentnoy normy”. Trud zhenshchin na frontovykh zheleznykh dorogakh Rossiyskoy imperii v gody Pervoy mirovoy voyny [“Women Can Be Taken on... Outside any Percentage Quotas”. The Work of Women at Frontline Railroads of the Russian Empire during the First World War]. In *Voенно-istoricheskiy zhurnal*. No. 3, pp. 86–94.
- Shcherbinin, P.P. (2004). Kak zhilos' rossiyskoy soldatke v gody Pervoy mirovoy voyny (1914–1918 gg.) [How a Russian Soldier's Wife Lived during the First World War (1914–1918)]. In *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve*. No. 1–2, pp. 57–71.
- Shilovskiy, M.V. (2015). *Pervaya mirovaya voyna 1914–1918 godov i Sibir'* [The First World War of 1914–1918 and Siberia]. Novosibirsk, Avtograf. 330 p.
- Vitte, S.Yu. (2003). *Sobranie sochineniy i dokumental'nykh materialov. Tom 2: Nalogi, byudzhety i gosudarstvennyy dolg Rossii* [Collected Works and Documentary Materials. Vol. 2: Taxes, Budget, and Public Debt of Russia]. Part 1. Moscow, Nauka. 655 p.
- Yasudis, A.V. (2023). Reprezentatsii Pervoy mirovoy voyny v zhenskikh illyustrirovannykh zhurnalakh Rossiyskoy imperii [Representations of the First World War in Women's Illustrated Magazines of the Russian Empire]. In *Historical Courier*. No. 2 (28), pp. 224–234. Available at: URL: <http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-2-18.pdf> (date of access 08.07.2025).
- Yukhneva, E.D. (2012). *Peterburgskie dohodnye doma. Ocherki iz istorii byta* [St. Petersburg Tenement Houses. Essays on the History of Everyday Life]. Moscow, Tsentrpoligraf. 383 p.
- Zakharov, V.N., Petrov, Yu.A., Shatsillo, M.K. (2006). *Istoriya nalogov v Rossii. IX – nachalo XX veka* [History of Taxes in Russia. 9th – Early 20th Century]. Moscow, ROSSPEN. 296 p.